

Раздел II. Человек в условиях социокультурного пограничья

П.К. ГРЕЧКО

ПОГРАНИЧЬЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

***Аннотация:** Работа нацелена на выявление природы, структуры и функций пограничья. Границы существуют с незапамятных времен, но проблема пограничья появилась исторически недавно. Имея внутреннюю и внешнюю стороны, активно взаимодействующие между собой, граница естественным образом перерастает в пограничье. Глобализация всколыхнула, привела в движение, сблизила и уплотнила различия, а значит и их границы, сделав ситуацию пограничья в сущности детерриториальной, или универсальной. Другую культуру мы можем встретить сегодня в любом месте. Пограничье – род реальности между. Эта реальность является уникальной площадкой для встречи с Другим во всей его/ее уникальности и неповторимости. Пограничье открыто для поиска новых путей и форм коммуникативного взаимопонимания. Важно различать два типа пограничья – синтетическое и агрегатное. В современном мире пограничье находится под определяющим влиянием времени, а не пространства.*

***Abstract:** The paper is concerned with the nature, structure and functions of the border. Borders have existed from time immemorial, but problematizing the border has emerged historically not long ago. Having both internal and external sides, which actively interact with each other, the border grows naturally into the borderlands. Globalization has stirred up, set in motion, drawn together and condensed all the differences and their boundaries. As a result, the situation of borderlands has become deterritorial or universal. Nowadays we can encounter a different culture*

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: p.grechko@rudn.ru.

anywhere. The borderlands are a kind of in-between-reality or inbetweenness. In-betweenness seems to be an ideal place for meeting with the Other in all his/her uniqueness and distinctiveness. The borderlands are open for searching of the new forms of communicative mutual understanding. It is important to see the difference between synthetic borderlands and aggregate borderlands. In the contemporary world the borderlands are under the determining influence of time, not space.

Ключевые слова: граница, пограничье, пролиферация различий, пост-модернити, сетевая структура, реальность между, Другой, синтетическое пограничье, агрегатное пограничье.

Keywords: border, borderlands, proliferation of differences, postmodernity, network structure, between-reality (in-betweenness), Other, synthetic borderlands, aggregate borderlands.

О границах, рубежах, пределах (boundaries and frontiers) писали всегда, писали заинтересованно и много, но проблема пограничья возникла сравнительно недавно, по странному стечению обстоятельств — вместе с началом глобализации, которая все эти границы как раз и поставила под вопрос. Неопределенность, детерриториализация, трансгрессия — вот только некоторые из тех терминов, в которых описываются современные глобализационные процессы. Выходит, это миф, что глобализация только унифицирует, нивелирует, сглаживает, закатывая в асфальт истории все неповторимости и самобытности реальной жизни людей, их этнических, конфессиональных и иных общностей. Нет, отрицать «видимую руку» унификации в глобализации нельзя, но она, к счастью, уравновешивается «невидимой рукой» пролиферации, т.е. увеличения, размножения, различий.

В перспективе просматривается даже тенденция к перевешиванию второго, пролиферации, над первым, унификацией. Сближение границ с различиями оправданно: границы маркируют различия, а различия в свою очередь высвечивают границы; там, где есть различия, есть и границы, и наоборот. Границами различия обрамляются — так же примерно, как «пределами» очерчивается (определяется) понятие, его содержание и объем. Работающая с понятиями наука есть всегда идентификация, соблюдение, а в плане развития — и прехождение границ. Популярное, если не модное, ныне *ad marginem*-мышление есть именно мышление границами и на границах.

Важной характеристикой пролиферации различий являются количественные и качественные изменения их границ. Нельзя думать, что границы просто растут, умножаются, эволюционно увеличивая уже существующее их число. Появляются и действительно новые границы, их

«качественное» число тоже растет. Одновременно некоторые границы, отслужив свой срок, исчезают или заменяются другими. Не везде, но кое-где выкапывают стоявшие столетиями пограничные столбы, сносят берлинские стены, разрушают иные перегородки и барьеры между людьми. Разумеется, хватает и всевозможных «занавесов», зон, полос отчуждения. Заметно движение от макро- к микромасштабам, т.е. к изменениям, индуцируемым не крупными объединениями или ассоциациями, а отдельными индивидами, личностями. Нынешний технологический уровень бытия, несомненно, увеличивает значимость таких изменений, их структурно-содержательной состоятельности и функциональных последствий. Но, пожалуй, самая примечательная черта современных границ – их невиданная ранее проницаемость. Сказываются современные средства коммуникации, действующие глобально, поверх границ, обеспечивающие свободное движение не только капиталов, товаров и услуг, но и продуктов собственно культурного назначения. Подтверждается в полной мере *medium is message* М. Маклюэна: современные электронно-информационные и телекоммуникационные технологии закладывают основы новой исторической эпохи.

Судя уже по сказанному, границы и пограничье являют собой на редкость сложный феномен, с массой проблемно напряженных сторон, аспектов, граней. Их анализ несомненно выиграет, если мы введем в него онтологию различий, столь характерную для современного (постмодернити) глобализирующегося мира.

Онтология различий и имплицуемых ими границ

Онтологическая и эпистемологическая релевантность различий была и остается в поле внимания многих исследователей. Так, «гнет тождества», гневно обличал автор так называемой негативной диалектики Т. Адорно, о различиях в форме заботы «об отличии от других» или «хранения дистанции» развернуто писал М. Хайдеггер. О том же – о предельном характере различий и их когнитивной эвристике – убедительно высказывался также А.Ф. Лосев: «То, что ничем ни от чего не отличается, может ли быть вообще чем-нибудь? Что-нибудь, если оно действительно что-нибудь, всегда отличается от всего иного именно самим признаком чего-нибудь. Раз нет ни от чего отличия, нет самого “чего-нибудь”, нет этого самого “нечто”, а есть “ничто” [...] мыслить – значит прежде всего различать, а где нет различия, там нет мысли»¹. Однако по настоящему ключевым предметом исследования различия становятся лишь в пост-

¹ Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997. С. 61-62.

модернизме – одном из самых ярких теоретических выражений эпохи постмодернити, или современности в ее исторически последнем (теперешнем) смысле. На постмодернистской онтологии различий поэтому и остановимся.

Цель постмодернистского онтологического дискурса, по словам Ж. Делеза, – показать, что тождество «кружит вокруг Различного», что у последнего открывается «возможность обретения собственного понятия вместо удерживания его под властью понятия вообще, уже представленного как тождество»². Постмодернизм буквально одержим «страстью к разотождествлению», он, по словам Ж.-Ф. Лиотара, «оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность»³. Удачно выразился на этот счет и З. Бауман, назвав самой выразительной чертой, «решающим атрибутом, из которого следуют все другие характеристики» модернити, «различие, которое делает различие»⁴. Различие (различия), как оказывается, – предельная и в этом смысле последняя реальность, за ним ничего уже нет. Вернее даже так: в основе бытия лежит некая возможность различения, которая предшествует действительности его единства. Тождество-единство выходит на первый план тогда, когда пространство различий субъективируется и «власть захватывает означающее». Но и в этом случае тождество остается «дизъюнктивным синтезом», «оптическим эффектом» более глубокой реальности – бытия различий. Скажем, различие мужчины и женщины гораздо глубже и исторически действеннее, чем их несомненное тождество – человек. Их различие, что принципиально, не есть нечто внешнее или рядоположенное тождеству, а аналитическое вскрытие, прорывное (через сложившиеся традиции и стереотипы) углубление этого последнего.

Вместе с тем тождество-единство, особенно в социальной сфере, постмодернизм не отрицает. Но только представляет его в виде множества, существующего не через гегелевское снятие или наивно-механическую интеграцию, а через коммуникацию различий. Различие выступает здесь как различание в духе Ж. Деррида. Последний нашел в латинских корнях слова «различие» (глагол *differrer*) весьма любопытный смысломотив, а именно: задержка, отсрочка, откладывание, отодвигание на будущее⁵. Различание – это различие как промедление, задержка, как от-

² Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 60.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 12.

⁴ Bauman Z. Liquid Modernity // *Social Theory: The Multicultural and Classic Readings* / Ed. Ch. Lemert. 3rd ed. Westview Press, 2004. P. 589.

⁵ См.: Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999. С. 175-176.

срочка с коммуникацией и в коммуникации. Оно не позволяет различиям (различительным множествам) «слипаться» в единство и застывать в его статичной усредненности. Одновременно в нем «бушует» настоящее. То есть различие направлено на возвышение инаковости и уникальности, на удержание актуальности и полноты переживания «здесь-и-теперь». Будучи неографизмом (в родном для Ж. Деррида французском языке *différence* и *differance* на слух не различимы), различие есть также первичность письма по отношению к речи или, иначе, выражение того обстоятельства, что «артикуляция, членораздельность и само пространство письма существуют в языке изначально»⁶.

Постмодернистская онтология строится на непосредственности различий, на том, что называется отсутствием *различающего* различия. Иначе говоря, чистое постмодернистское различие имеет собственное содержание, независимое от предикативного опосредования. Различие при этом не отождествляется с различным (специфическим, сингулярным). В каком-то смысле различное (структура, система) – сторона различия (процесса). Следуя терминологии Н. Лумана, здесь можно было бы говорить об «отказе от понимания различий в качестве наличных фактов (различий)⁷. Онтологически постмодернизм есть попытка «помыслить различие лишь *между* различным»⁸, эксплицировать различие, которое стоит, оставаясь невидимым, незримым, неким «слепым пятном» за различиями. Различение в этой перспективе оказывается своеобразным единством (кодом) различий.

Постмодернисты настаивают на том, что подлинная природа различий искажается диалектикой борьбы, оппозицией, вообще негативностью. Глубину борьбы противоположностей Делез называет ложной, под ней он видит истинную глубину, глубину различия. Классическая диалектика, как известно, настаивает на развитии, или естественном заострении, различия в противоположность. По Гегелю, «мыслящий разум заостряет, так сказать, притупившееся различие разного, простое многообразие представления, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные моменты становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности... При более тщательном различении реальности различие ее превращается из разности в проти-

⁶ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 402.

⁷ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 63.

⁸ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 395.

воположность и тем самым в противоречие, а совокупность всех реальностей вообще – в абсолютное внутреннее противоречие»⁹.

Постмодернизм пытается доказать, что противоположность не развивается, а, напротив, отягощает, затрудняет, делает ущербным различие, лишая его силы первородства, затемняя его чистое и непосредственное действие. Когда различие конституируется с помощью и в форме отрицательного, то оно фактически утверждает отрицаемое, принимает его в себя в качестве своего другого. Такое или так понимаемое различие насквозь пронизано консерватизмом и скрытым внутренним апологетизмом. «Но каким бы образом утверждение вытекало из отрицания, – ставит Ж. Делез риторический вопрос, – если бы оно не сохранило то, что отрицается?»¹⁰.

Истинный источник развития постмодернизм находит не в противоречии и борьбе противоположностей, а в игре различий. В социокультурном плане это означает, что универсальная человеческая коммуникация возможна, потому что истинное ее основание не борьба (противоречие, оппозиция), а различие. На этом уровне, уровне различий, люди одинаково открыты, доступны и интересны друг другу. Онтологический статус игры раскрывается как ситуация, когда не действительность превращается в игру, а игра становится действительностью. В игре всегда есть условность, сослагательность, вариативность. Постмодернизм предлагает рассматривать действительность как «интересную гипотезу» и жить, не зная границ, руководствуясь принципом «как если бы» (*Be as if*).

Постмодернистская онтология различий превращает бытие в становление, становление перманентное или беспрестанное. Это даже не изменение, в котором все же сохраняется некое ядро, а именно и только становление – бесцельное, безначальное и бесконечное. Отсюда понятны такие квалификации постмодернизма, как философия безграничного плюрализма или «жидкий модернизм». Постмодернистская идеология «разжижения» превращает любую реальность в «некое транс-состояние» (Ж. Бодрийяр). Единственно приемлемое для постмодернизма единство (квазитождество) – коммуникативное: это – диффузное или рассредоточенное множество, онтологически выделяющееся качественно определенной взаимосвязью своих исходных элементов.

Онтология различий очень ярко заявляет о себе в случае антропоге-неза. Исходно человек – часть природы. Но это именно такая часть, которой, чтобы утвердиться в своей «человеческой» определенности, непременно нужно вырваться из объятий целого, противопоставить себя

⁹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 2. М., 1971. С. 68.

¹⁰ Делез Ж. Цит. соч. С. 75.

ему, возвыситься так или иначе над ним. Иначе говоря, в основе жизни (рождения человека) лежит разрыв-различие с природой. Более того, различие выступает здесь как различание в духе Деррида: различие как задержка, различие и задержка «в одном флаконе». Иными словами, человеческое различие с природой сохраняется на период отсрочки приведения в исполнение приговора конечности, который изначально вынесен природой каждому индивиду, а может быть и их сообществу в целом.

Важно обратить внимание на одно довольно распространенное заблуждение. Постмодернистскую онтологию часто представляют как стремление свести все и вся, включая противоречия, противоположности, оппозиции, другие дуальности, к простым и далее уже не уточняемым различиям. Различия же, игнорирующие отрицание, не доходящие до противоречия, невольно рождают в воображении благостную картину бытия: никто ни с кем по-настоящему не спорит, конфликтующие стороны легко примираются, на всем лежит печать сотрудничества и взаимодополнения. На самом деле постмодернистские различия не имеют ничего общего с этим, по выражению Делеза, прекраснотушением. Под покровом мягкости и миролюбия здесь скрываются «силы агрессии и отбора, которые разрушают прекраснотушение, лишают его самоидентичности, разбивая его благие намерения»¹¹.

И это действительно проблема. Противостояние, как известно, состоит не только из борьбы, но и единства (взаимопритяжения, взаимообусловливания) соответствующих сторон. И борьба, и единство являются, по сути, опосредованием, отрицательным и положительным соответственно. Когда же исчезает опосредование, которое и впрямь что-то гасит, «сравняет», разность потенциалов, т.е. напряжение между различиями, возрастает. Справедливость сказанного в полной мере подтверждается человеческой коммуникацией. Казалось бы, в обществе различий (а не конфронтации и борьбы) общаться легче. Широкие возможности для позитивного выбора, уважительное отношение к правам и свободам человека, заинтересованное общественное мнение — все есть, а напряжение в отношениях между людьми не исчезает, много одиночества и одиноких.

На пути пролиферации (роста и умножения) различий стоит логоцентризм — линейный детерминизм, которому подчинена вся европейская современная (эпоха Модерна) культура. Основная функция такого детерминизма состоит в вытеснении из пространства мышления всего нерационального, т.е. спонтанного, ассоциативного, неоднозначного, ге-

¹¹ Там же. С. 10.

терогенного. Впрочем, если под логосом понимать сказанное слово, устный язык, некий «мысле-звук», как у Деррида, то логоцентризм представляет собой веру в прямую фонетическую, «живоречевую» доступность (наличие, присутствие) означаемого (понятия, смысла, может даже, самого предмета) в означающем (слове устном, выдыхаемом вместе с душой). В онтологическом плане логоцентризм строится на доверии к бытию, на познавательной открытости последнего познавательным усилиям человека. Не в пример логоцентризму и модернизму в целом, постмодернизм утверждает прямо противоположное: «мир — это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам»¹².

Оппозиция рациональное/нерациональное, органически встроенная в логоцентризм, служит матрицей для выстраивания всех мыслей в духе бинарной системы. Речь идет о представлении всего многообразия, всех различий мира в форме парных категорий, резко, до диаметральной противопоставленных друг другу. Аполлон — Дионис, миф — история, знание — вера, мир идей — мир вещей, общество — природа, дух — материя, норма — девиация и т.д. Или готика, барокко, романтизм, модернизм, с одной стороны, и античность, возрождение, классицизм, реализм — с другой. Постмодернизм критикует не столько парность-бинарность, сколько ее мировоззренческие и другие социальные импликации.

Предметно-содержательная оппозиционность парных категорий в каждом конкретном случае своя, разная, но ее структурная определенность во всех случаях одна — центр-периферийная. Здесь всегда есть центр и периферия, под которой традиционно понимается нечто второстепенное, обочинное, маргинальное. Одна сторона бинарной оппозиции выдвигается в центр, подавляя, ущемляя, унижая, маргинализируя свою противоположность, т.е. другую сторону оппозиции.

Бинарная, центр-периферийная оппозиция превращается, по сути, в оппозицию властную, силовую. Логика становится политикой. Диалог аргументов вырождается в монолог господства и подчинения, в разновидность ангажированно-властных отношений. Бинарная логика, оказывается, обосновывает властную вертикаль политики. Но есть здесь и обратная связь, встречная или ответная зависимость: логика оппозиционно-бинарна, потому что политика властно-вертикальна. Устанавливается даже нечто вроде симбиоза: логика льет воду на мельницу политики и наоборот, политика закрепляет бинарно-силовой характер логики.

¹² Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 80.

Постмодернистской борьбе с логоцентризмом и бинаризмом успешно служит метод деконструкции, который выявляет, утверждает и поощряет различия, направляя свою критическую энергию против всего того, что их нивелирует, подрывает, разрушает. Что не дает высказаться другому, что, игнорируя кризис репрезентации, норовит говорить за других, вместо других, от имени других. Деконструктивистское («деконструктивное») знание есть знание активное, мобилизующее, т.е. направленное на выявление и фиксирование той неопределенности, которая есть во всех наших – теоретических и практических – конструкциях.

Деконструкция идет со знаком «ко» [лат. *co(n)* – с, вместе] там, где действительно есть конструкция – устойчивые и подтвердившие свою эффективность структуры или институты. В обществе же, где социальные институты и так на ладан дышат, деконструкция выдвигает на первый план свое «де» [лат. *de* – отмена, движение вниз]. Деконструкция – философский метод постмодернизма. Есть в нем, разумеется, и деструктивность. Но главное все же – конструктивность (конструирование действительно нового), особенно по отношению к различиям. Деконструкция активно, в форме инноваций, их производит, распространяет и внедряет.

Различение границ

Онтологическое – посредством различий – фундирование границ не означает их погружение в какие-то темные глубины материи, тем более применительно к социокультурной реальности. Ведь клеточкой или молекулой ее культурной составляющей является смысл¹³. Смыслы (за их упорядоченное строение) часто сравнивают с кристаллами мысли, мышления – образ очень точный, яркий и вдохновляющий. Но для нас он интересен еще и с другой стороны: рост кристалла происходит только на его гранях, т.е. на или за счет поверхности¹⁴.

Формирование смыслов – это отрыв от темной, тяжелой, непокорной глубины материи и мятежный выход на свет, к свету ее надстроечного, онтологически-поверхностного бытия. Границы завершают и рельефно выражают это движение к поверхности-свету, представляя собой дискретно-внешнюю сторону социокультурной реальности. Разумеется, не все границы этой реальности лежат на поверхности, открыты и доступны нам; нельзя отрицать только того, что они находятся в верхнем слое реальности и выходят так или иначе на макроскопическую размерность человека.

¹³ См.: Ахиезер А.С. Категория «между» в социокультурной динамике // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: В 2-х ч. Часть I. М., 2002. С. 166.

¹⁴ См.: Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 131.

Онтологический локус границ, пограничья достаточно определенно просматривается и с других точек зрения. Общая семантика «пограничья» адресует нас прежде всего к удаленности от центра, периферии, окраинам, краям, кайме. И в общем-то это правильный ориентир. Окраины являются зоной непосредственного (межличностного) контакта разных культур и цивилизаций, там столкновение разных идентичностей, несомненно, самое напряженное. А поскольку до центра, как и до Бога, далеко, то приходится полагаться на собственные силы, искать и находить индивидуальные решения. Больше диктуемой конкретной ситуацией свободы, но и больше ответственности – за культуру, цивилизацию, которую представляешь, и за свое собственное поведение. При этом открываются новые возможности для поиска новых путей и форм взаимопонимания. Мне понятна в данной связи мысль о том, что «пограничье ... является привилегированным локусом надежды на лучший мир»¹⁵. В недалеком прошлом на таком понимании границ, пограничья можно было бы и остановиться. Ныне, однако, многое изменилось, мы живем в глобализирующемся, если уже не глобальном, мире. Изменилась, стала иной и обсуждаемая здесь проблема.

Глобализация подняла на-гора исторического бытия невиданную ранее массу особенного, т. е. различий во всех их видах и формах. И не просто подняла, а привела в движение, интенсифицировала, коммуникативно уплотнила. За другой культурой ходить сегодня далеко не надо, ее можно встретить в подъезде или на лестничной клетке своего (любого) многоквартирного дома. А это значит, что границы культур теперь везде, что пролегают они по всему коммуникативному полю жизни. Нельзя не согласиться здесь с утверждением М.М. Бахтина о том, что вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее»¹⁶. Чистых и ровных культур уже давно нет, рельеф у современной культуры всегда пересеченный. Потеряло свою прежнюю, окраинную, прописку и пограничье. В наши дни, без преувеличения, это уже универсальная ситуация.

В плане онтологии различий эта ситуация уточняется как сеть, сетевая структура. Ее отличает отсутствие всяких жестко фиксированных скрепов и главного среди них – центра. Это раньше, в эпоху Модерна, все социокультурные различия и, соответственно, их границы не имели достаточной автономии, страдали как раз частичностью, т.е. периферий-

¹⁵ Border Theory: The Limits of Cultural Politics / Scott Michaelson and David E. Johnson, editors. University of Minnesota Press, 1997. P. 3.

¹⁶ Бахтин М.М. К эстетике слова. // Контекст – 1973. М., 1974. С. 265.

ной зависимостью от центра. К центру стремились (центростремительность), от центра бежали (центробежность), в любом случае различия демонстрировали свою, позитивную или негативную, зависимость от тотализирующего, по сути, центра. Отношения между различиями были подчинены здесь режиму *interiority*¹⁷, т.е. всецело определены некоей внутренней – имманентной центру, его рамками задаваемой – логикой бытия. Имея в виду непосредственно предмет настоящего исследования, можно сказать, что вертикально выстроенная, жестко центрированная культура обрекает человека на бытийное несамостоянье, обескрыливает его индивидуальные инициативы и начинания, ограничивает, и значительно, его творчество, свободу действий. Получается, что культура тоже может быть тоталитаристской.

Нынешняя, постмодерная, ситуация представляет собой не властную, центр-периферийно выстроенную вертикаль, а гетерогенную, сетевым образом конституируемую горизонталь, разрастающуюся до множественной целостности. Исходные различия в ней достаточно автономны и самоидентичны, с огромным потенциалом коммуницируемости: они демонстрируют способность вступать в разные отношения в разных, по обстоятельствам, конфигурациях. На первом плане здесь не столько некие неизменные или имманентные свойства, сколько ситуационно меняющиеся отношения, в особенности же – индицирующая взаимные изменения когеренция с новыми различиями в новых сочетаниях.

Децентрированная сетевая структура представляет собой предельно допустимый минимум упорядоченности или организованности – дальше начинается либо хаос, либо властная нормализация творческой стихии бытия. Сетевая структура, по мысли К. Келли, вся состоит из краев, и поэтому открыта для любого пути, которым вы к ней идете. «Все прочие топологии ограничивают то, что может случиться... Фактически множество поистине расходящихся компонентов может оставаться когерентным только в сети. Никакое другое устройство (arrangement) – цепь, пирамида, дерево, круг, ступица – не может содержать истинное разнообразие ... Где бы мы ни наблюдали постоянное беспорядочное изменение, мы вправе ожидать и действительно видим сети»¹⁸.

Сетевая структура представляет собой «новую социальную морфологию» (М. Кастельс) современного общества. Убедительной конкрети-

¹⁷ Ср.: DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum, 2006. P. 9-10.

¹⁸ Kelly K. *Out of Control. The New Biology of Machines, Social Systems, and the Economic World* // <http://www.kk.org/outofcontrol/contents.php>.

защией сетевой структуры выступает и адхократическая (*лат.* ad hoc – для этого случая, для данной цели) организационная форма. Это как раз тот случай, «когда каждый организационный компонент представляет собой модуль, созданный для решения одной конкретной задачи, и взаимодействует со многими другими по горизонтали, а не только в соответствии с вертикальной иерархией»¹⁹. Наряду с адхократией конкретизирующим образом сетевой структуры является также понятие блип-культуры (*blip culture* – термин Э. Тоффлера).

Коммуникация эпохи модерна предполагала систематическую основу и готовые, завершено-целостные картины мира. Для коммуникации же эпохи постмодерна систематичность и готовые к употреблению картины мира не то что не характерны – противопоказаны. И связано это прежде всего с особым социально-онтологическим характером информации – ресурса для постмодерна определяющего, ключевого. Информация легко поддается квантификации (делению на порции или фрагменты); в таком внутренне-расчлененном виде она в действительности и существует. Эти кванты-порции, по словам Тоффлера, предстают перед нами в виде «блипов» – «вспышек» или «мелькающих изображений». Мы живем фактически в мире блип-культуры. Для одних, тех, кто не может расстаться с понятиями и представлениями исторически уходящего времени, этот мир кажется сплошным хаосом, настоящим бедламом: «блипы» атакуют со всех сторон, стремительные потоки информации несут непонятно куда. Для других же, тех, кто сумел приспособиться, разобраться в том, как устроены и процессуально организованы информационные потоки, ситуация много проще: надо только сложить эти «блипы» в ту или иную картину жизни. Тут открывается даже простор для позитивного творчества, индивидуального выбора, свободного самоутверждения – никакой предзаданности!

«Горизонтальное» понимание границы говорит о том, что это – двустороннее образование, что есть у нее две одинаково важные стороны, внутренняя и внешняя. И если раньше первой, как инклюзивно и ограждающе своей, отдавался явный приоритет, то теперь такой предпочтительности просто-напросто нет – все решает логика конкретно складывающейся ситуация, а в ней на первый план может выходить и внешняя сторона.

Для современной, технологически очень продвинутой, новой по характеру и масштабу человеческой деятельности внутреннее границы ока-

¹⁹ Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 459.

зывается слишком узким, она буквально вываливается из него, неразрывно сопрягая локальное и глобальное. Подчиняясь логике глокализации, граница с необходимостью разрастается, становясь в полном смысле пограничем. Данную двусторонность границы можно представить и в терминах текст/контекст. Любое граничное различие сегодня нужно рассматривать с учетом его контекста.

Контекстуализм преодолевает старое, узкое понимание границы и артикулирует влияние среды, т.е. того, что находится по ту сторону границы²⁰. Контекстуализм – мягкая форма детерминизма. В ней нет жесткой или прямой каузальности, а только диспозиционность, предрасположенность. «Я – это я и мои обстоятельства», – заметил как-то Бернард Шоу. Данная мысль, на мой взгляд, шире своего Я-референта, на самом деле она действительна для любого феномена, в том числе и границы: это всегда явление и его (контекстуальные) обстоятельства. Обстоятельства прописывают явление как бы пунктиром, коррелятивно, резонансным образом.

Границу-пограничье привычно мыслят как переход от одной культуры к другой, как существование, или смежное бытие, разных идентичностей, т.е. как внутренне разорванное образование. Но в ней ведь можно видеть и некую внутренне хоть и дифференцированную (различия не отменяются), но относительно самостоятельную, охваченную целостностью реальность. По справедливому замечанию Я.Г. Шемякина, «граница перестает быть переходом от одного типа бытия к другому и сама становится бытием особого рода, качественно отличным от иных разновидностей устойчивого социокультурного бытия»²¹. Границу (пограничье) с ее особым бытием резонно назвать реальностью *между*.

Возникает, формируется эта реальность специфическим образом – не за счет механического объединения или сложения усилий всех заинтересованных сторон, не в результате простого знакомства с вовлекаемыми в коммуникацию смыслами. Это нечто третье и безусловно новое – культурно-смысловая реальность, создаваемая в самом процессе пограничной коммуникации, ее наиболее творческими и рефлексивно открытыми друг другу акторами. В рамках пограничья как реальности *между* не принято слепо держаться своего и не видеть, не понимать чужого. Таков во всяком случае нормативный образ между-реальности.

²⁰ Подробно о контекстуализме см.: *Касавин И.Т.* Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 5-17.

²¹ *Шемякин Я.Г.* Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Н. Мосейко. М., 2008. С. 100-101.

При всем том пронизывающая реальность *между* целостность оказывается разной – обозначим так: синтетической и агрегатной. Соответственно и пограничье может быть как синтетическим, так и агрегатным. Коммуницирование родственных или близких культур рождает синтетическое пограничье, и наоборот, коммуникативная встреча далеких друг от друга культурных систем ведет к образованию агрегатного пограничья.

Глобализация, похоже, сближает, хотя и не уравнивает, эти два типа пограничья. Акторы, или действующие субъекты, синтетического пограничья обоснованно квалифицируются как Другие. В агрегатном пограничье тоже много Других, но встречаются и Чужие, даже Враги (враги не в окопном, военно-фронтовом смысле, а в смысле исполненности неприязни, ненависти, злобы – ко всему современному и исторически продвинутому). В культуре Врага доминируют абсолютные, единственно верные, фанатично твердые убеждения-ценности, явно или тайно противостоящие всем остальным (вообще возможным, ибо не допускается, даже в принципе, их изменение, уточнение, замена). Культура Чужого тоже «абсолютистская», хотя в ней уже проглядывает нечто относительное, идущее от самого факта пребывания в непонятной, но в целом безопасной среде. Убеждения здесь твердые, но не слепые, глаза не застилает мгла сектантской (так или иначе выделенной, обособленной) пассионарности. Выручает часто логика терпимого сосуществования, известная как *modus vivendi*.

Что до культуры Другого, то ее насквозь пронизывают релятивистские токи. Составляющие такую культуру ценности и смыслы носят открытый характер и не претендуют на исчерпывающую полноту в выражении смысложизненных устремлений человека. Убеждения в этом случае «размягчены» постоянным соседством с сомнением (непрестанная забота о соответствии некоему объективному обстоянию дел) и сопоставлением (с иными убеждениями и ценностями). В отличие от первых двух культур – Врага и Чужого, с трудом отделимых от духа конфронтации, культура Другого несет с собой синергию и гармонию, объединение, а не разъединение устремлений, мыслей и действий людей. Синтетическое пограничье – идеальное место для встречи-понимания Другого во всей его уникальности и самобытности.

Движение от Врага к Чужому и, далее, Другому – это путь ухода (последовательного отхода) от Абсолюта, на алтарь служения которому человечество принесло столько жертв. Это борьба против привилегированной позиции в познании и оценке, против единственной и высшей инстанции, располагающей якобы последней, полной и окончательной ис-

тиной, против тех, кто присвоил себе право выносить окончательные и бесповоротные решения. Это несогласие с тем, что кто-то вообще может обладать абсолютной истиной и распоряжаться от ее имени вашей судьбой. Культура Другого есть подрыв доверия к Абсолюту (Абсолютам) и обращение к потенциалу человеческой коммуникации. В ее и только в ее пределах вызревает все самое высокое, как, впрочем, и самое низкое в нашей жизни.

Судя по заявленным в литературе определениям, главная составляющая пограничья – территория (земля, часть поверхности земного шара). Она, заметим, видна невооруженным глазом уже в английском термине пограничья – *borderlands*, буквально означающем «земли (*lands*) по обе стороны границы (*border*)». В значимости (и эпистемическом значении) земли-территории сомневаться не приходится и в наше время. Но глобализация с ее детерриториализацией здесь многое изменила. Ушла прежняя – первобытно-мистическая и поэтически-романтическая – привязанность к земле, территория стала просто пространством, в котором разворачивается мироустроительная активность человека. Более того, оно теперь только одно из многих.

Наряду с территориально-земным мы сегодня с определенностью фиксируем многие другие пространства: экономическое, социальное, информационное, правовое и т.д. Адекватным английским термином в этой ситуации становится *borderspaces*. Далее. Под влиянием динамизма глобализационных процессов время (не календарно-хронологическое, естественно, а социально-историческое) начинает активно теснить пространство. Речь конкретно идет о том, что в условиях глобализации наиболее продвинутые страны резко набирают историческую высоту, вырываются в лидеры и начинают доминировать – разумеется, не в прежнем, территориально-колониальном, а в темпорально-стратификационном смысле. На первый план тем самым выходят не пространственные, а временные различия и границы.

Концепция «пограничной ситуации», развитая в свое время экзистенциализмом, апеллировала к истинной сущности человека, открывала перспективу подлинного существования – «на границе» наличного бытия, освещенной светом трансценденции, Бога, как у К. Ясперса. По аналогии говоря, ситуация пограничья тоже развернута на подлинное существование (оно здесь совпадает с соответствием духу современности) и связана с открытием трансценденции, на этот раз – Другого как образа и подобия Человека с большой буквы, человечества и человечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Категория «между» в социокультурной динамике // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: В 2-х ч. Часть I. М., 2002.
2. Бахтин М.М. К эстетике слова // Контекст – 1973. М., 1974.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 2. М., 1971.
4. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
5. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
6. Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999.
7. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
8. Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
10. Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997.
11. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
12. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
13. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
14. Шемякин Я.Г. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Н. Мосейко. М., 2008.
15. Bauman Z. Liquid Modernity // *Social Theory: The Multicultural and Classic Readings* / Ed. Ch. Lemert. 3rd ed. Westview Press, 2004.
16. *Border Theory: The Limits of Cultural Politics* / Scott Michaelson and David E. Johnson, editors. University of Minnesota Press, 1997.
17. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, 2006.
18. Kelly K. *Out of Control. The New Biology of Machines, Social Systems, and the Economic World* // <http://www.kk.org/outofcontrol/contents.php>.